

А.Н. Веселовский

**Женщина и старинные
теории любви**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 **Веселовский А.Н.**
Женщина и старинные теории любви / А.Н. Веселовский – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 100 с.

ISBN 978-5-517-82951-1

ISBN 978-5-517-82951-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Средніе вѣка привыкли называть вѣкомъ развитія личности, едва ли не ограничивая это понятіе какимъ-то соединеніемъ безграничной свободы съ культомъ личной силы. Сопоставленное съ общественными представленіями классической древности, гдѣ главнымъ фактомъ, поражающимъ изслѣдователя, было подчиненіе личнаго идеала гражданскому и государственному,—такое понятіе еще могло находить себѣ внѣшнее оправданіе; но оно оказывается крайне несостоятельнымъ, какъ только мы распространимъ сравненіе въ другую сторону и съ средними вѣками сличимъ Renaissance. Личность предполагаетъ прежде всего самосознаніе, сознаніе своей особенноти и противоположности къ другимъ индивидуумамъ, своей отдѣльной роли въ общей культурной средѣ. Если она выражается цѣлымъ комплексомъ отличій и одностороннихъ признаковъ, которые уже выдѣлились изъ типа и называются характеромъ, то, съ другой стороны, немислима безъ борьбы и долгой выработки, предшествовавшей выдѣленію,—но борьбы, пришедшей въ сознаніе и усноковившейся въ чувствѣ побѣды. Понятно послѣ этого, почему личность развивается въ эпохи богатая борьбою, но вмѣстѣ съ тѣмъ богатая и результатами когда извѣстное прошлое устранено во имя

новыхъ принциповъ, сознательно стаповящихся на ихъ мѣсто и лежащихъ въ основу характеровъ; понятно, что только въ пору рѣшительнаго переворота въ исторіи европейской мысли, когда средневѣковое міросозерцаніе принуждено было отдать долю своего владычества античному, могли выступить Лютеръ и Джьордано Бруно, Макьявелли и Раблэ.

Средніе вѣка остановились на формулѣ типа и не добрались до личности; и они не миновали борьбы, и много ея выпало на ихъ долю, но ни одной они не разрѣшили, оставивъ вопросы открытыми для будущаго: эпоха исканія, ожиданій и попытокъ, гдѣ какъ будто не люди, а какія-то міровыя силы движуть исторіей, церковь и имперія, массовыя движенія и сословныя предпріятія, и чудо иногда спускается на землю на помощь людскому безсилію, и личность постоянно выгораживается высшей инициативой. Какъ въ самомъ дѣлѣ было развиваться индивидууму, когда средневѣковый человѣкъ былъ буквально заброшенъ самымъ страннымъ разнообразіемъ культурныхъ элементовъ, съ которыми надо было сосчитаться,—а у него не было силъ найтись въ ихъ подавляющей массѣ? Бытовыя преданія народа, остановившагося на начаткахъ эпоса—и наслѣдіе римской цивилизаціи; германская королевская власть—и призракъ римскаго императорства; не забытыя вѣрованія отцовъ—и христіанство; тысячи разнообразныхъ вліяній и столкновеній—все это искало улеяться и кристаллизироваться; всѣ средніе вѣка прошли въ попыткахъ кристаллизаціи: иногда казалось, что тотъ или другой принципъ возьметъ верхъ, и Европа очутится гигантской теократіей, или построятся въ одинъ сплошной кристаллъ имперіи;

но все это проходило безслѣдно; вскорѣ исчезали всякіе намеки на построение, и въ безразличной массѣ культурныхъ фактовъ снова можно было различить отдѣльно бѣгуція струи, безъ связи и посредства, не примиренныя въ высшемъ органическомъ единствѣ; потому что чувство новой формы еще не проявилось, и не явилось сознание того новаго принципа, который могъ бы творчески объединить разрозненные элементы, а изъ старыхъ ни одинъ на столько не силенъ, чтобы овладѣть остальными. Въ такихъ обстоятельствахъ возможно было между ними развѣ сплочение, или формальное усвоение, гдѣ негдѣ было ни развиваться личной инициативѣ, ни сказаться таланту, и цѣльность давало всему то изъ культурныхъ началъ, которое было количественно преобладающимъ. Такимъ, естественно, являлось эпическое міросозерцание, которое христіанская проповѣдь и классическая культура застаютъ на почвѣ, гдѣ впоследствии по преимуществу развилась драма средневѣковой исторіи. Италия и страны съ несконнымъ романскимъ населениемъ стоятъ въ этомъ отношеніи въ особыхъ условіяхъ. Характеръ средних вѣковъ въ литературѣ, жизни и общественныхъ отношеніяхъ по преимуществу эпическій, т. е. личное развитие подчиняющій массовому. Говоря—эпическій, мы не думаемъ утверждать, что всѣ другіе культурные элементы, привходившіе въ эту неструю цивилизацію, въ немъ окончательно претворились, подчинившись его творческой силѣ, но принятые случайно, не найдя оцѣнки своему міровому содержанию и не перейдя въ плоть и кровь, они формально укладывались въ рамки готоваго міросозерцанія, какъ античныя колонны въ нигельгеймскую постройку Карла Великаго. Это только

усилило то впечатлѣніе формализма, тишиности, въ противоположность индивидуализму, которою вообще отличается эпическій складъ мысли. Изъ пѣсни слова не выкинешь, потому что оно урочное; мысль отлилась въ такія опредѣленные слова, такъ закрѣплена рпемою, что ей трудно изъ нея вырваться, какъ будто выхода не оставлено для ея развитія, и она осуждена вѣчно повторяться въ тѣхъ же словахъ и съ тою же рпемою. Герои *chansons de geste* какъ будто оттиски съ одного и того же клише, болѣе или менѣе ясны или затертые, но вѣчно съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ и однимъ обликомъ. Мечъ у рыцаря всегда острый, стальной, съ золотою рукоятью, яркій, свѣтлый; его конь всегда быстрый, горячій, гасконскій либо арабскій или аррагонскій; щитъ—выпуклый, крѣпкій, добрый, золоченый, полосатый; шлемъ—круглый, зеленый, полосатый, блестящій. Самъ онъ непремѣнно обладаетъ страшною мощью, грозными очами, сильною рукою, умнымъ взглядомъ; его волосы бѣлокуры, тогда какъ, наоборотъ, старика намъ постоянно рисуютъ съ цвѣтущею (т. е. бѣлою, какъ древесный цвѣтъ) бородою или смѣшанными (т. е. съ просѣдью) кудрями; женщины—съ свѣтлымъ челомъ—кровь съ молокомъ, бѣлою грудью, чистымъ, прекраснымъ тѣломъ. Даже то, что есть въ человѣкѣ чисто духовнаго, сводится къ немногимъ постояннымъ отличіямъ: рыцарь, если только онъ не причисленъ къ злодѣямъ и предателямъ, всегда вѣжливый (*höfisch*), мужественный, богатый, храбрый, сынъ именитаго человека, честный, славный, сильнаго, вѣрнаго, крѣпкаго духа, достойный такой-то похвалы, такой-то почести. Но и его подвиги отличаются тою же роковою

однохарактерностью; разница въ какой-нибудь подробности, въ сочетаніи обстоятельствъ, протягивающихъ пной разъ нить однообразныхъ приключеній. Если забыть условія эпоса и взять во вниманіе только внѣшность выраженія и стилия, заключаетъ Тоблеръ ¹⁾, ничего нѣтъ легче представить себѣ все богатство старофранцузской эпикки произведеніемъ одного лица. Самые лирическіе порывы чувства подчинены той же законности эпического повторенія: тѣ же весенніе фізіологическіе порывы въ началѣ и непремѣнный привѣтъ веснѣ, либо вздохи по уходящему лѣту, и затѣмъ все та же старая реторика страсти, вращающаяся въ избитой колесѣ однѣхъ и тѣхъ же фразъ. Впечатлѣніе отъ всей этой лирики, гдѣ всего скорѣе ожидаешь выраженія личности, какое-то массовое: за немногими исключеніями, всѣ миннезингеры и трубадуры похожи другъ на друга, и здѣсь Дидцъ приведенъ былъ къ соображеніямъ, которыя Тоблеръ повторилъ почти дословно, ограничиваясь изученіемъ старофранцузскаго романа. И не только въ выраженіи страсти—въ политическихъ намекахъ сирвентезъ, въ нападкахъ на римскую курію и пороки духовенства—одно и то же томящее однообразіе, такъ что всѣ они, за исключеніемъ какого-нибудь явнаго фактическаго намека, могутъ служить развѣ для огульнаго опредѣленія идей вѣка и никакъ для частныхъ изысканій критики, которая вздумала бы останавливаться на мелочныхъ процессахъ историческаго развитія. Всѣми нравственными ученіями и соціальными теоріями овладѣлъ формализмъ: стоитъ только познакомиться съ средне-

¹⁾ Zeitschrift f. Völkerpsychologie, IV, 2, стр. 157.

вѣковыми сборниками въ родѣ *Vridankes Bescheidenheit*, *Winsbeke*, *Renner'a* и др., не выключая даже *Der Wälsche Gast* Томазина *von Zerklaere*, стоящаго отчасти на почвѣ романской цивилизаціи,—чтобъ убѣдиться, какъ эпически монотонно передаются во всѣхъ одни и тѣ же правила обыденной морали, вѣчно выдаваемые за новыя.

Такъ было въ литературѣ, потому что самая жизнь была опутана обрядомъ и обычаемъ, ихъ вѣковыя опредѣленія связывали всякій личный порывъ, всякій шагъ человѣка отъ колыбели и до гроба. Ему иначе нельзя было и двигаться, какъ по ихъ пути; путь спасенія, какъ и путь осужденія, полагался для всѣхъ одинъ и тотъ же; о блаженствахъ рая, *la corte del Paradiso*, имѣлись очень опредѣленные представленія, и они однообразно манили всякаго, какъ однообразно запугивали весьма опредѣленные загробные страхи. Понятія о правѣ выражались цѣлымъ рядомъ эпическихъ формулъ, оковавшихъ всѣ отношенія общественной жизни, какъ обычай разъ навсегда установилъ отношенія домашнія. Когда впоследствии открытіе римскаго кодекса обѣщало обогатить его содержаніемъ юридическія понятія вѣка, онъ очутился въ рукахъ темныхъ глоссаторовъ, спорившихъ о преимуществахъ папства и имперіи, простою формулою, такъ какъ отъ богатства античнаго философскаго умозрѣнія, завѣщаннаго среднимъ вѣкамъ Боэціемъ, не осталось ничего, кромѣ вгѣшшихъ діалектическихъ приемовъ да спллогизма и эпически-формальной распри между реалистами и номиналистами. Такъ наслѣдіе античной мысли поплатилось своимъ внутреннимъ смысломъ особенностямъ средневѣковаго міросозерцанія. И съ

христіанствомъ случилось нѣчто подобное: оно застало на мѣстѣ массу обрядовъ и мнѳовъ, въ которыхъ выразились своеобразныя релігіозныя представленія въ ихъ проникновеніи съ жизнью; застало извѣстный кодексъ нравственныхъ понятій, освященныхъ культомъ и обычаемъ; и оно поступилось своимъ чистымъ содержаніемъ, обстановилось новою обрядностью, создало легенды и свое нравственное ученіе приурочило къ существующему. Такъ относительно высокое положеніе женщины, отведенное ей въ посланіяхъ апостола Павла и писаніяхъ первыхъ отцовъ церкви, замѣняется у средневѣковыхъ моралистовъ, стоящихъ на почвѣ церкви, тѣмъ одностороннимъ воззрѣніемъ, котораго лучшій примѣръ представляютъ притчи о злыхъ женахъ. Шерръ не удивится такому результату: съ одной стороны ему припоминаются доблести германской женщины по Тациту, съ другой апостолъ Павелъ, Августинъ и Тертуллианъ, и онъ не знаетъ, какъ изъ всего этого могъ выработаться средневѣковой типъ. Но если свѣдѣнія, сообщаемыя римскими памфлетистами, поведутъ одностороннія, то и вліяніе церкви было на столько же одностороннее: призванная учить, отводя язычниковъ отъ плотскихъ побужденій къ жизни духа, очень естественно, что она скорѣе останавливалась на такихъ общественныхъ явленіяхъ, которыя, казалось ей, отступали отъ ея идеала, были грѣховны ей надо запугать плоть, и она дѣйствовала болѣе отрицательными средствами: злыя жены привлекли ея вниманіе передъ добрыми, а средневѣковой складъ мысли помогъ этимъ женамъ обобщиться въ эпическій типъ злой жены, раздутый до нелзя послѣдующимъ развитіемъ аскетизма.

Мы не можемъ не остановиться здѣсь еще на одной сторонѣ средневѣковой жизни, тѣсно связанной съ тѣмъ же направлениемъ мысли и отчасти въ немъ коренящейся: мы говоримъ объ узкомъ развитіи сословнаго начала, кладущемъ отпечатокъ на все общественное устройство. Какъ личность еще не успѣла выдвинуться изъ условнаго эпического типа, личная инициатива разорвать пути обряда и обычая, такъ естественное понятіе народности едва намѣчено на широкомъ фонѣ средневѣковой исторіи, и общественныя силы, въ ней дѣйствующія, исчерпываются столь же условною категоріей касты. Церковь и имперія, рыцарство и духовенство, горожане и народъ, поднимающійся вслѣдъ за городами: весь смыслъ средневѣковой жизни въ этомъ рѣзкомъ разграниченіи сословій, въ этой архаической постепенности, нашедшей свое высшее выраженіе въ феодальномъ порядкѣ рыцарства и чиновничества римской іерархіи; потому что о народѣ еще никто не думаетъ, города еще только начинаютъ добиваться самостоятельнаго голоса въ исторіи: пока она въ рукахъ двухъ сословій, ставшихъ передовыми вслѣдствіе преданій германскаго бытового устройства, случайностей завоеванія и культурныхъ вліяній. Какимъ образомъ такое сословное разграниченіе должно было повліять на эпическій формализмъ мысли и устойчивость общественныхъ представленій, отличающую средневѣковое развитіе—понятно само собою. Сословное начало непремѣнно ведетъ за собою извѣстнаго рода косность, туго поддающуюся вліяніямъ; въ кастѣ всякое преданіе, какъ ни мало оно осмыслено, сохраняется тѣмъ крѣпче, чѣмъ условнѣе самый принципъ дѣленія, мѣшающій постоянному обмѣну силъ. При-

бавимъ къ этому, что средневѣковая сословная категория переходила далеко за предѣлы естественной народности и потому лишена была естественной почвы, которая могла бы давать ей самостоятельное содержаніе: одна церковь распространялась на всю Западную Европу, ея интересы связывали безразлично все духовенство, какой бы страны оно ни было; пѣмецкое рыцарство подавало руку французскому въ борьбѣ съ маврами, въ крестовыхъ походахъ или предпріятіяхъ противъ городовъ,—и крестьянское движеніе быстро охватывало страны, раздѣленные естественными и политическими границами (крестьянскія войны XVI столѣтія; солидарность французскихъ и нидерландскихъ городовъ въ XIV—XV вв.). Такое отсутствіе народной базы съ своей стороны приводило къ еще большому застою развитія, и когда впоследствии объявится необходимость въ новомъ социальномъ принципѣ, который бы обновилъ развалившійся общественный организмъ, ни рыцарство, ни духовенство не дадутъ его: рыцарство изжилося до сумасшедшихъ подвиговъ Ульриха фонъ-Лихтенштейна, до Sattel-Narung Мурпера и разбоевъ по большимъ дорогамъ; оно даже проходитъ безъ шума, перекладывая въ мелкую прозу звучные стихи своихъ поэмъ, когда-то отвѣчавшихъ дѣйствительности; церковь дѣлаетъ съ XI-го вѣка безсильныя попытки обновленія, которому не пѣзъ нея суждено выйти. Новый принципъ является въ исторіи съ новою силой городовъ, помогающей *народному* королевству развиваться на обломкахъ сословнаго строя; потомъ и первое обновленіе церкви пойдетъ по слѣдамъ народнаго протеста.

Намъ кажется, что эпическій складъ средневѣковой жизни и сословная замкнутость, ставшая его общественнымъ выраженіемъ, равно выгораживаютъ понятие о самостоятельности и самоопредѣленіи, которое мы привыкли соединять съ личностью. Не только вся жизнь была напередъ опредѣлена до мелочей всякаго рода условностямъ обычая, примѣты и повѣрья, но человекъ иначе и не являлся, какъ въ указной сословной рамкѣ: онъ непременно былъ или рыцаремъ, или духовнымъ лицомъ, либо вилланомъ, неся на себѣ всю подавляющую массу сословныхъ ограниченій. Изъ числа эпитетовъ, однообразно очерчивающихъ средневѣковаго героя, всего страннѣе насъ поражаютъ эпитеты сословнаго характера, которые заимствованы отъ роду-племени: рѣдко поминается рыцарь, чтобъ его не назвали сыномъ того, либо другого храбраго мужа, и не только при первомъ упоминаніи его, но и впоследствии, когда, по видимому, ничто не вызываетъ подобнаго указанія, кромѣ эпической распушенности пѣвца и его любви къ полнотѣ пѣсеннаго разсказа.—Но средневѣковые моралисты предлагаютъ намъ еще болѣе знаменательныя указанія: воспитаніе рыцаря, конюшаго, искусы монаха становятся предметомъ особыхъ спеціальныхъ трактатовъ, подобно тому, какъ писались трактаты о соколиной охотѣ и ратномъ дѣлѣ ¹⁾. «Наставленія правителю», многочисленныя, какъ буддистскія *Nitiçastra*, протягиваются по всемъ среднимъ вѣкамъ, начиная отъ *Egidio Romano* до elegantнаго произведенія Караффы de' *Maddaloni* и *Guillaume Budé*.

¹⁾ Въ старо-французской литературѣ извѣстны: *Le doctrinal des bons serviteurs, des femmes, des filles, des femmes mariées* и т. п.